

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

мени. Обязательно. Иначе тебе не поверят! Этот материал будет таким... протухшим. С душком. Музыка должна быть актуальной, иначе люди не почувствуют свежесть! Надо стараться не просто стилизовать, а стилизовать с выходом в сегодняшний день, дать сегодняшнюю энергию этому ретро-шлягерному оформлению.

Ну, а второй музыкальный полюс — тема власти, тема Полковника, тема государства, которое давит на свободу самовыражения, свободу мысли. Там такой пост-Шостакович, достаточно жёсткие симфонические моменты.

А между этими полюсами есть любовные дуэты, есть трио, есть массовая сцена пресс-конференции. Они написаны без каких-либо стиливых привязок, но все вместе, я очень надеюсь, эти моменты образуют некий пласт, безусловно, жанрового мюзикла. Наш мюзикл — жанровый. Существуют такие мюзиклы, которые идут не от содержания, но от формы. В этом мюзикле очень важна форма: движения, хореография... Стиливое начало — оно всегда немного условно, мы не в жизнь играем, всё это немножечко о другом — не о том, что случилось, а о том, как. Здесь смысл подчинён форме, столкновение форм и рождает этот смысл.

На самом деле таких спектаклей, когда за основу берётся какой-то стиль и через этот стиль раскрываются герои, довольно много. Посмотрим... Учитывая, какие постановки делает Борис Леонидович и Театр-Театр в целом, я думаю, что может произойти какой-то интересный купаж.

— **Постановщик сильно вмешивается в ваш материал?**

— Борис Леонидович довольно многое попросил поменять, и я должен признаться, что до сих пор есть одно место во втором акте, про которое мы ещё не знаем, как оно будет сделано. Может даже стать, что музыка в этом месте будет другая.

Понимаете, первый акт всегда писать проще всего: расставляешь фигуры на доске, пишешь входные арии, связки, какие-то ансамбли, закручиваешь действие. Сложность — во втором акте. Ты должен какие-то смыслы вывести и связать, подарить зрителю катарсис. Тут надо очень точно отмерять. В первом акте ты можешь быть гораздо щедрее, ты можешь показать то, это, а во втором акте ты должен собирать эти камни, не разбрасывать.

— **Вас не тревожит тот факт, что это не музыкальный театр, а драматический?**

— Меня это очень тревожит. Иногда возникают сомнения, как в том анекдоте, помните? Стюардесса перед полётом рассказывает пассажирам, какие в самолёте есть «ништязки»: на первом этаже — бассейн, на втором — ресторан, на третьем — казино... «А теперь со всем этим... мы попытаемся взлететь!»

Тут такая же история. Размаааах! Очень серьёзный. И надо постараться не ударить в грязь лицом: об этой постановке знает уже вся театральная Москва, у меня уже спрашивают, когда можно ехать смотреть и нет ли лишнего билета.

— **Как вам качество труппы, голосов, оркестра?**

— Я труппу знаю достаточно давно. Я видел знаменитый спектакль «Восемь женщин», работал над «Эдмоном Дантесом», уже давно репетирую «Винил». Женская часть труппы — вообще очень

сильная, что и показывает спектакль «Восемь женщин»: там восемь сильных артисток, и номинация на «Маску» это подтверждает. Очень симпатичный молодой ансамбль, студенческий, — у нас они играют стилияг.

— **А вообще, как вам кажется, музыкальные постановки в драматическом театре — это правильный тренд?**

— У меня огромный опыт постановок мюзиклов и попыток поставить мюзиклы в разных форматах, и я абсолютно уверен, что в России нормально работать может только стационарный театр с государственным участием. Все попытки создать качественную антрепризу были не слишком успешными: спектакли идут сезон, от силы полтора... А потом оркестр удаляется, и начинаются бесконечные гастролы под фонограмму. Ну, вы понимаете. И это в Москве, где есть платёжеспособная публика! Что уж говорить про другие города?

Продюсерский формат постановок реален в том случае, если в городе существует большой туристический поток и туристы сориентированы на посещение мюзикла. А у нас для туристов — опера, балет и Третьяковка!

До сих пор и зрители, и критики относятся к мюзиклу как к чему-то несерьёзному. Посмотрите, часто ли композиторы получают «Золотые маски» за мюзиклы? Да никогда! Не то что не получают — даже не номинируются! В этом году композиторская номинация на «Маске» провалилась: было всего два номинанта. И жюри не выбрало ни одного. А почему не номинировался Виталий Истомин, который написал мюзикл «Восемь женщин»? Где логика: у музыкального спектакля множество номинаций, а композитора, который написал прекрасную музыку, забыли!

Возможны постановки на спонсорские деньги, но основа должна быть государственной. При этом большинство государственных театров — драматические, так что от них никуда не деться. Есть, конечно, театры оперетты, музыкальной комедии... Но вы сами понимаете, какие там репертуары, какие принципы! Есть, конечно, Владимир Тартаковский в Москве, в театре оперетты, есть Юрий Шварцкопф в Питере, они ставят интересные лицензионные спектакли. Но в основном музыкальные театры не готовы к современным мюзикловым работам.

В драматических театрах в этом смысле гораздо интереснее работать: вот как в нашем случае или в новосибирском театре «Глобус» — там тоже любят эксперименты, и мы там с режиссёром Ниной Чусовой поставили «Робин Гуда». Да, качество вокала, может быть, страдает, но энергетика очень хорошая и головы свежие.

Вообще, наш, российский мюзикл близок драматическому театру. Мы ведь очень любим катарсис, любим поплакать. Если нас просто веселят, нам кажется, что нас обманули. Российский зритель склонен прощать какие-то технические недостатки, но главное — чтобы душа обязательно развернулась, свернулась и снова развернулась!

— **Ну, и как вы думаете, в «Виниле» свернётся, развернётся? Поплачем?**

— Там есть пара моментов, где это обязательно должно случиться. Если не случится, значит, мы не справились. В финале люди должны выйти с ощущением, что они прожили вместе с нами целую жизнь.

EX LIBRIS

«Игорь Тернавский» и «По царскому следу»

Пермское отделение Союза журналистов России презентует новые книги

Юлия Баталина

Книга Владимира Гладышева «По царскому следу. Династия Романовых и Прикамье», презентация которой состоялась в Доме журналиста 15 мая, — это уже вторая часть многолетнего журналистского исследования присутствия в Пермском крае членов царской фамилии. Первая книга — «Свет Белой горы» — вышла в 2003 году.

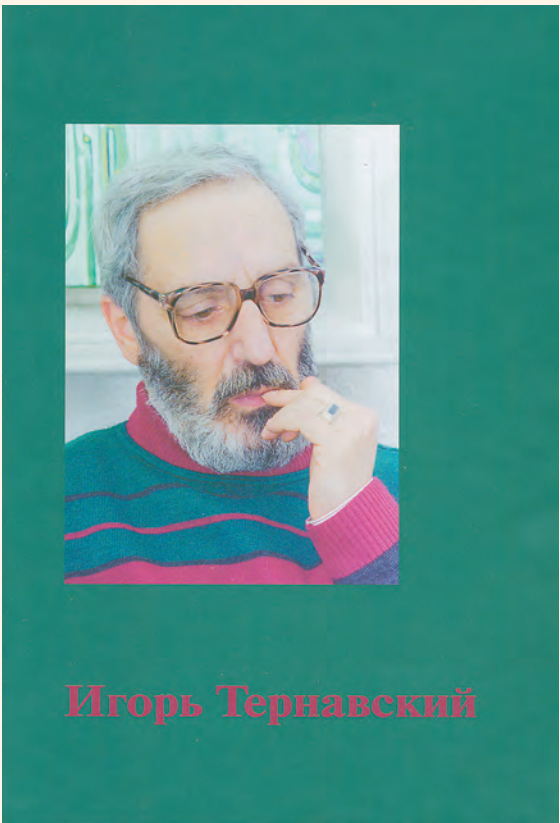
В новом труде, совершенно гигантском по объёму, Владимир Гладышев, как нетрудно догадаться, рассказывает про двух Михайлов Романовых, погибших в Прикамье: боярине Михаиле Никитиче, «ныробском узнике», и последнем императоре России Михаиле Александровиче. При этом первый занимает в книге хорошо, если десятую часть, а вот о втором Гладышев повествует более чем подробно.

Это самый настоящий «архивный детектив»: автор книги разыскивает неизвестные доселе документы, изучает их, сравнивает источники, полемизирует с другими «романоведами». Он абсолютно очарован своим героем: в его представлении великий князь — решительный, отважный человек, заслуженно получивший Георгиевский крест, к тому же наделённый чувствительной душой и искренне влюблённый в свою жену Наталью. По мнению Гладышева, убийство Михаила лишило Россию шанса стать конституционной монархией и занять достойное место среди цивилизованных стран Европы.

Журналист уверен, что «романовская» тема сегодня по-прежнему актуальна. По его словам, до сих пор и в России, и за рубежом то и дело появляются цари-самозванцы. «Я собрал целую коллекцию самозванцев, — полушутливо утверждает Гладышев. — К одному даже съездил в Красноуфимск».

Книга не только подробнее описывает все обстоятельства пребывания Михаила Романова в Прикамье, но и к сегодняшнему дню обращается. Гладышев изучает отношение общественного мнения к проблеме увековечения памяти Михаила Романова в Перми, а также приводит обзор проектов памятника великому князю.

Примерно в те же дни в Союзе журналистов вышла в свет ещё одна книга, автор которой испытывает к своему герою самые тёплые чувства. Ветеран пермской журналистики Искандер Садриев собрал из газетных материалов разных лет книгу о своём ближайшем друге — недавно умершем режиссёре Игоре Тернавском.

Игорь Тернавский

Книга, которая так и названа — «Игорь Тернавский», не претендует на исследование феномена личности Тернавского, а тем более на искусствоведческий анализ его достаточно противоречивого творчества. Это записки друзей и учеников, посвящённые близкому человеку.

Тем не менее для историков культуры, для тех, кто интересуется жизнью Перми во второй половине XX века, это бесценный документ, потому что содержит живые зарисовки из жизни пермских театров, и не только театров, того времени. А феномен Тернавского, чья роль в пермском культурном пространстве далеко не исчерпывается его режиссёрскими работами, ещё ждёт своего осмысления.